

ХОЧУ СЫГРАТЬ НЕГРА

На недавно закончившемся кинофестивале в Венеции знаменитому итальянскому актеру Марчелло Матростройни была присуждена премия за лучшее исполнение мужской роли в фильме французского режиссера Бертрана Блие «Раз, два, три, солнце!» А на днях любимцу кинозрителей многих стран мира исполнилось 70 лет. Мы перепечатываем опубликованный в итальянской газете «Унита» рассказ о пресс-конференции, которую созвал Марчелло Матростройни в связи с этими событиями.

Он удивил всех, назначив пресс-конференцию на 9.30 утра. Это он-то, Марчелло Матростройни, самый ленивый из всех ленивых итальянцев. Войдя, заявил, что очень хочет спать, но немного спустя все заметили, что он бодр и в хорошей форме. И все отведенное время говорил сам. О себе, Феллини, Венеции, дочери Кларе. И о двух последних фильмах, в которых снялся, — французском «Раз, два, три, солнце!» и аргентинском «Об этом не говорят». Вот этот монолог.

— Нет, я, конечно, ничего себе, но вот вы-то все, смотрите, такие свеженькие и славенькие. Итак, почему я снялся в двух иностранных фильмах, которые и были представлены в Венеции? Простите, не понимаю, чему вы удивляетесь. Когда у нас в Италии работают иностранные актеры, никто на это не обращает внимания...

Смотрите на мою сигарету? Да, да, очень слабая, ну что поделаешь, если я дошел до того, что вынужден эти зубочистки курить... Ах, вы хотите, чтобы я поговорил о Венеции... Ладно, тогда «начнем с немцев», как говорит моя дочь.

Шел 1943 год, я приехал в Венецию, чтобы спрятаться, и долго скрывался на чердаке в доме знакомого портного. Ощущения тогда испытывал необыкновенные, более сильные, чем испытываю теперь, приезжая на фестиваль. Фестивали вообще — это фигovina, я могу так выразиться, правда, ведь теперь модно сквернословить? Может быть, я плохо отношусь к фестивалям потому, что впервые был на Венецианском киносмотре с Висконти, он показывал свои «Белые ночи». Помню, Лелио Берсани сказал тогда: «Марчэ, давай возьму у тебя интервью, все равно первая премия твоя». Никакую я премию не получил и был очень разочарован. Конечно, лучше получить премию, чем камнем по голове, только вот, помню, однажды Тоньяцци присудили приз в Канне, а он потом целый год сидел без работы... Надо же, ну и голосочек у меня, уже с утра... Нет, не думайте, я не болен... А то все пишут про какие-то операции, врачебные вмешательства, переезды в Рим, Париж... А у меня всего-то один диск сдвинут, и массажи надо делать... Нет, Феллини я не навещал еще и потому, что, когда человек болен, ему никого не хочется видеть. И потом вокруг его постели был такой цирк! Теперь, когда ему стало лучше, поеду. Страх перед смертью? Да, жутко боюсь умереть. Когда-то говорил: плевать, главное — не оказаться прикованным к коляске или не впасть в детство. А вот сейчас, в мои 70, говорю: пусть коляска — лишь

бы жить. Да, жить, даже если впаду в детство. Что я делаю, чтобы не помереть? Ем, выкуриваю по три пачки в день... Нельзя же унижать человека, отнимая у него все.

Нет, желание работать у меня не прошло, наоборот. Смолodu у каждого голова забита всякой всячиной, а когда человек стареет, у него появляется больше времени, которое он может посвящать работе и детям, хотя они без этого охотно бы обошлись. И потом я скучаю, если сижу без дела. Быть на съемочной площадке — это же просто отдых! Ты приходишь, и сразу все к тебе бросаются: «Марчэ, как здоровье, ты прекрасно выглядишь!» Костюмерша угощает кофе, потом тебя сажают в кресло, и начинается — массаж, грим... Сидишь и тихо дремлешь... Проснувшись, смотришь в зеркало: надо же, какой красавчик! Идешь к режиссеру, а он: «Марчэ, мы еще не готовы, подожди немножко!» Хорошо, можно еще подремать... Ну просто не понимаю тех, кто говорит, что съемки — это ужасно утомительно, что это нервотрепка. В театре — да, там трудно, потому что каждый вечер надо выходить на сцену, и уж здесь не пофилонить... здесь надо играть по-настоящему. В кино красивая внешность может обмануть зрителя, в театре — нет.

Сниматься больше всего люблю в Италии. Спрашиваешь: когда начинаем? — В понедельник. — Где? — Фраскати. А как ехать? — Придет автобус, все и уедем. А вот в Америке тебе выдают кучу карт, добрайся сам. И начинается: по этой дороге едешь тридцать минут, по той еще двадцать, ...а уж если надо свернуть, то совсем ничего не понять... А наши «корзинки» с едой — сухой паек? Ах, как это прекрасно, куда там все эти кухни на колесах! Наша «корзинка» — это как рождественский чулок, набитый подарками. Чего там только нет! А на самом дне — плавленый сырок, якорь спасения!

Да, кино — прекрасная, необыкновенная работа. Что до моей дочери Клары, то мне хотелось бы, чтобы у нее было другое будущее. Такое часто бывает — родители не хотят, чтобы дети шли по их стопам,

родители мечтают о профессиях дантиста, археолога, преподавателя. Мы с Катрин тоже так мечтали — мы оба мечтали. Но Клара решила стать актрисой. Однако хорошо сделала, что отказалась, когда ей предложили сниматься вместе со мной. Заявила: «Папа, ну куда это годится — то я снимаюсь с мамой, то с тобой... Хаааа!» А газеты из всего этого раздули бог весть что. Надо же! А еще однажды написали, что Клара влюблена в сына Софи Лорен. «Република» напечатала «новость» на первой странице. Вот гадость! Наверху — трагедия! Боснии, внизу — эта глупость. Глупость не потому, что неправда, а потому, что даже если правда, все равно глупость. Я им позвонил и сказал, что позорно устраивать такой шум.

Да, я снимался в Аргентине. Меня поразила эта страна. Можно было предполагать, что там живут одни черные, но это совсем не так. Я спросил: «Вы что, всех их поубивали?» Нет, говорят, они поразехались. Фильм «Об этом не говорят» снимала Бемберг. Когда я узнал, что этой женщине уже 70 лет, у меня перехватило дыхание. А потом сказал сам себе: а тебе-то что, много меньше? И тем не менее ты еще ничего, на что-то годишься. Я играл роль мужчины, влюбившегося в карлицу, — роль мне понравилась сразу. Актриса-карлица оказалась женщиной необыкновенно умной, тонкой. Она меня просто поразила. С режиссером Бембергом мы работали прекрасно. Вообще очень люблю работать с режиссерами-женщинами. Они так деликатно, так по-матерински относятся ко мне! Помню, работал с итальянкой Аркебуджи. Снимали сцену, когда мне нужно было подняться и спуститься по лестнице. Она посмотрела на меня и сказала: «Пусть сначала порепетирует помощник режиссера вместо вас». Очень симпатичная женщина. Я работал с семью женщинами-режиссерами и горд этим!

Мне очень нравится снимать за границей — это один из предлогов попутешествовать. Как-то я встретил режиссера из африканского государства Буркина Фасо — он снял прекрасный фильм «Свет». Вспомнил, его зовут Сулейман Чиссе. Так вот, говорю ему: Сулейман, пригласи меня сниматься, но только чтобы в Африке. Учти, я и под негра загримируюсь! А он ничего не отвечает, только смотрит и хочет: вы знаете, как хорошо умеют смеяться негры. Позже я снова встретился с ним и снова повторил мое предложение — а он опять хохотать во весь свой белозубый рот. Так я до сих пор еще не открыл Африку!

Материал подготовила
Л. ФИЛАТОВА.